Торжокские убийства

Евгения Овчинникова

Евгения Овчинникова

Торжокские убийства

«Альпина Диджитал»

2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2=411.2)6-445.7

Овчинникова Е. С.

Торжокские убийства / Е. С. Овчинникова — «Альпина Диджитал», 2025

ISBN 978-5-00-272593-9

Эта история соединяет семейную сагу и детективный триллер. Две семьи, два поколения, один маленький город. Сестры Женя и Лера Волыкины растут вместе с соседским мальчиком Ильей, чьи странности с годами становится все труднее объяснить. Спустя десятилетия Евгения возвращается к событиям юности – и к тайне, которую хранила всю жизнь. Новый роман Евгении Овчинниковой о дружбе и подозрении, семейной верности и цене молчания разворачивается на фоне позднесоветского детства, девяностых и современности.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2=411.2)6-445.7

ISBN 978-5-00-272593-9

© Овчинникова Е. С., 2025
© Альпина Диджитал, 2025

Содержание

Часть первая 8
Глава первая 8
Глава вторая 13
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Евгения Овчинникова
Торжокские убийства

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436–ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

Редактор: *Аглая Топорова*
Издатель: *Павел Подкосов*
Главный редактор: *Татьяна Соловьёва*
Руководитель проекта: *Ирина Серёгина*
Арт-директор: *Юрий Буга*
Корректоры: *Зоя Скобелкина, Наталья Федоровская*
Верстка: *Андрей Фоминов*
Дизайн обложки: *Денис Изотов*

© Е. Овчинникова, 2027
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2027

* * *

Евгения Овчинникова

Торжокские убийства

Роман

альпина ПРОЗА
Москва, 2027

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фраг-

менты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Часть первая
Счастливое детство

Глава первая

Когда мне плохо и жизнь стучит с обратной стороны дна, я вспоминаю побег из больницы. Мне было шесть лет, и мы с Ильей лежали в лор-отделении. Его подселили к нам, потому что койки в мальчишечьей палате закончились и его маму спросили, не возражает ли она, что сын полежит с девочками. Она согласилась. Деваться было некуда – гнойный отит. У меня был синусит, мерзейшая болячка из возможных, когда голова затуманена от недостатка воздуха, а горло то и дело сжимают спазмы, от которых у меня начиналась паника. Я подскакивала с кровати, хватая ртом воздух, и спазмы проходили, давая кислороду течь туда, куда ему назначено природой.

Отделение представляло собой две палаты через стенку. Мальчиков к девочкам подселяли часто, и наоборот тоже, потому что детей было много, ехали со всего района. Врачом у нас был молодой мужчина. Матери шептались, что это форменное безобразие – парень только-только окончил ординатуру, куда ему сразу к детям. Доктор, судя по его неуверенной речи и испуганным глазам, тоже не сильно радовался назначению. Он постоянно спрашивал мнение старшей сестры, и она ровным голосом говорила ему, что следует делать с тем или иным пациентом. Врач пытался выглядеть авторитетно, особенно ему удавались прохождения по коридору – прямая спина, полы халата разлетаются, – но на осмотре и процедурах он срывался, трепетал голосом, оглядывался на более опытных коллег. В нем не было наглости и излишней самоуверенности, часто присущей новичкам, поэтому родители, поначалу гневавшиеся на врача, стали жалеть «мальчишку».

Мы с Ильей лежали с мамами. Детей старше семи уже оставляли одних, и они, одурев от свободы, носились по коридору, пока на них не прикрикивала старшая медсестра Екатерина Викторовна. Поскольку мы с Ильей жили недалеко от больницы и матери были уверены в нашем здравом рассудке, они нередко отлучались в тихий час и вечером, чтобы приготовить ужин семье или сбегать в магазин. В остальное время они, освобожденные от вечной круговерти работы-готовки-уборки-стирки, чувствовали себя как в отпуске. Обычно они сидели на койках, вязали и болтали. Или сплетничали с мамами из других отделений на скамейках в коридоре. Сдается мне, те две недели были для них, как для нас, весьма приятным времяпрепровождением. Обе работали на золотошвейной фабрике и, по сути, проводили друг с другом больше времени, чем с семьями, но все равно не могли наговориться.

Лор-пациенты были самыми доставучими для медперсонала. Через пару дней, когда у обитателей палат после первых уколов проходили температура и острая боль, они становились обычными детьми с шилом в заднице. Но, по словам сестер, на их памяти мы переплюнули всех.

В палатах было по двенадцать коек. За исключением нескольких зануд, высокомерно взиравших на наши шалости, в нашу банду входили восемь человек. Я и Илья, старшие девочки Ира, Катя и Настя, которых медсестры считали зачинщицами, но на самом деле они болтались с нами от скуки. Еще были двенадцатилетки Егор, Витя с Марса[1] и десятилетний Костя.

[1] Марс – отдаленный район Торжка, возникший вокруг одноименного завода, производящего корпуса для микроэлектроники. – *Прим. автора.*

Костя лежал с мамой, потому что у него был ДЦП. Его, как и меня, поразил синусит, только в более тяжелой форме. В нос ему поставили тампоны, и если у него так же, как у меня, перехватывало горло, то даже не могу представить степень ужаса, который охватывал его при спазмах. Ведь он не мог встать и подвигаться, не мог закричать, не мог потормошить мать. Костя ел пюрированную пищу – жидкие кашки, перемолотый суп, – потому что, как объяснила нам его мама, ему было трудно глотать.

– Но голова у него работает как надо, – добавляла она при каждом удобном и неудобном случае.

Передвигался Костя на инвалидной коляске. Вернее, возить его мог только второй человек. Руки и ноги не слушались его, жили своей жизнью. Но общались мы весьма успешно. Его мать, измученная женщина с короткими волосами и царапинами на запястьях, оставленными Костей, когда в тщетной попытке сообщить что-то он хватал ее неслушающимися руками, много времени проводила в туалете. Как я сейчас понимаю, туалет был одной из немногих социально одобряемых причин ее отсутствия рядом с больным ребенком, к которому она была прикована воображаемой, но крайне крепкой цепью. Наши с Ильей мамы – любимые жены, матери здоровых детей, полнокровные, румяные, нарядные, увешанные золотом, – резко контрастировали с ней. Они сочувственно шептались о ребенке-инвалиде, и их шепот и жалость заметно раздражали мать Кости.

Когда она уходила в туалет, мы «похищали» его. Это значило ввалиться в мальчишечью палату толпой, погрузить Костю на коляску и увезти его в дальний конец коридора. Говорить Костя не мог, но все понимал. Он мог проявлять две эмоции: согласие и несогласие. В первом случае он мычал и растягивал губы в подобие улыбки; уголки губ у него не поднимались, рот превращался в ровную линию. Во втором – рычал и хмурился. Так Костя говорил «да» и «нет», радовался и злился, соглашался и не соглашался, одобрял и не одобрял. До сих пор удивляюсь, как схлопнутая до «да» и «нет» возможность общения была богатой и полноценной.

До рождения Кости его мать была студенткой отделения вокала музыкального училища в Твери. Мы часто просили ее спеть что-нибудь, и она с удовольствием выполняла нашу просьбу. Больше всего мы любили в ее исполнении серенаду Трубадура[2].

С особенной любовью она выводила припев:

– Ночь пройдет, наступит утро раннее. Знаю, счастье нас с тобой ждет!

Ее измученное лицо преображалось, на щеки возвращался румянец, и она с мечтательной нежностью смотрела на своего сына.

– Ночь пройдет, пройдет пора ненастная. Солнце взойдет, солнце взойдет!

Они жили в поселке Раннее Утро в нескольких минутах езды от Торжка. Даже мы, дети, понимали боль и горечь, которые она вкладывала в песню.

История побега, как и история наших семей, рассказывается подробно, потому что каждая деталь имеет значение, выстраивает полную и правдивую картину произошедшего. Как стежки золотошвей, детали должны быть на своем месте, только тогда они складываются в узоры – цветы, птиц и бабочек, лики святых, портреты партийных лидеров и президентов.

Был вечер Прощеного воскресенья. Мы объедались блинами. Родня пациентов натащила медперсоналу блинов и варенья, и в тот день они, подобревшие, пахнущие маслом, дали нам больше воли в наших коридорных играх.

– А давайте мы будем банда! – предложила я, когда мы в очередной раз похитили Костю и тусовались у окна, которым заканчивался больничный коридор.

Старшие девочки засмеялись. Костя одобрительно замычал и замахал руками.

– Банда, банда, – заверещали остальные.

---

[2] Песня из мультфильма «Бременские музыканты» (1969). Режиссер И. Ковалевская, стихи Ю. Энтина, музыка Г. Гладкова.

Илья молчал в раздумье. Мне показалось, что ему не понравилась идея с бандой, и приготовилась предложить другие варианты организованной преступной группировки, как он осмотрел нас засиявшими глазами и сказал:

– А называться мы будем «Больничное братство»!

В его взгляде были душевный подъем и невероятная одухотворенность.

Несколько секунд в воздухе висело восхищенное молчание, а потом члены новоявленного братства стали по слогам скандировать:

– Братство, братство, братство!

Илья собрался продолжить речь, но из сестринской выглянула Екатерина Викторовна и зашипела на нас:

– Лор-больные, немедленно по палатам! Отбой как пять минут!

Под ее строгим взглядом мы сделали вид, что расходимся, но, как только дверь сестринской закрылась, вернулись обратно.

– Давайте завтра сбежим! – шепотом предложил Илья.

Помню как сейчас лихорадочный блеск его глаз и блуждающий взгляд.

Старшие девочки прыснули, закачали головами – что, мол, возьмешь с малышни. Другие, включая меня, сомневались. Побег – это серьезно, за такое могли, наверное, выгнать из больницы, а еще сверху наваляли бы родители. Но Костя растянул губы в улыбке и отчаянно и очень громко замычал, и решение было принято.

Осталось найти подходящее время для побега. Черный ход был намертво заколочен, а главный – днем и ночью под присмотром охранника из примыкавшей подсобки. Плюс строгие сестры на дежурном посту, которые, однако, часто отлучались. Мама Кости не была проблемой из-за длительных посещений туалета. С нашими с Ильей мамами тоже не должно было возникнуть проблем. Договорились дождаться, когда наши матери уйдут, а потом действовать по обстоятельствам.

Они ушли на следующий день еще до обеда. В Торговых рядах выкинули колготки, и мамы пообещали вернуться после тихого часа, потому что хотели еще пройтись по магазинам в поисках чего-нибудь дефицитного, пока горожане на работе. Они звали с собой маму Кости, но она, поколебавшись, отказалась. Когда начался тихий час, она перенесла сына на кровать и ушла в туалет, и мальчики немедленно застучали в общую стенку, давая понять, что побег начался.

Мы со старшими девочками выглянули в коридор. Дежурной медсестры не было. В начале тихого часа сестры, разогнав детей по палатам, уходили обедать. Их обед длился не более десяти минут, поэтому действовать надо было быстро. Мы достали из шкафов одежду. Решили не тратить время на колготки и штаны, накинули только шубы и пальто и натянули сапоги. Старшие девочки хохотали чуть ли не в голос, и нам пришлось прождать несколько драгоценных минут, пока они отсмеются. Когда они успокоились, в дверь тихо постучали соседи. Они тоже оделись как попало, зато хорошо укутали Костю, надели колготки на его худые ноги, обули в валенки, надели куртку и розовую шапку, очевидно материнскую. Он улыбался, развалившись в кресле.

Мы тихо дошли до лестницы, и я спустилась пролетом ниже, чтобы разведать обстановку. Охранник был на месте, о чем я и доложила, поднявшись к банде.

– Вот черт старый, – сказала Настя. – Сбежать не даст. Придется жертвовать собой ради детей. Валяйте, когда уйдем, – добавила она, снимая пальто.

Настя вернула одежду в палату и спустилась к охраннику. Снизу доносился ее встревоженный голос и обрывки фраз: «странный мужчина», «с другой стороны больницы», «видно, давно стоит». Актриса она была никудышная, голос то и дело срывался на смех. Я ждала, что ее вот-вот разоблачат и отправят в палату, но охранник поверил и пошел за ней по коридору первого этажа.

Мы спустили вниз коляску с Костей. В холле на нас с удивлением посмотрели несколько родственников пациентов. Охранник уходил, сопровождаемый Настей, к окну в конце коридора.

Была середина марта. Те дни, когда зима еще держит цепко своими морозами, но предвестники весны очевидны: мокрые черные ветки деревьев, усталые сугробы, подтаявшие и снова схватившиеся лужи с застывшим мусором. Слипшийся снег покрывал двор перед больницей, оставив только очищенную дорожку, ведущую к воротам. За ними была свобода.

Помогая друг другу на скользком крыльце, мы спустились. Тяжело грохнули о бетон колеса коляски.

– Погнали! – крикнул Илья.

Но все медлили, хотя свобода находилась близко, только шагни в нее. Окно над нами распахнулось, оттуда выглянула старшая сестра. Ее лицо выражало удивление и тревогу.

– Ребята, дети! – воскликнула она.

Мы засомневались и переглядывались.

– Вернитесь, вы нарушаете больничные правила! – продолжала Екатерина Викторовна.

Мы не двигались.

– Волыкина, – обратилась она почему-то ко мне, – Женя Волыкина, ты же послушная девочка.

Все это время Костя сидел в коляске, лицом к выходу, запертый в своем теле и наверняка мечтавший вырваться больше всех нас, вместе взятых. Он отчаянно замычал, и его низкое «м-м-м» дало мне решимости.

– Бежим! – крикнула я, отворачиваясь от старшей сестры.

– Давай-давай-давай! – заорал Илья.

Коляска Кости забуксовала, но мы навалились сзади, и она заскользила к воротам.

Мы неслись на волю дружной толпой. Помогая толкать коляску, я потеряла шапку, и мороз мгновенно вцепился в голову и голые ноги. Помню каждое мгновение от крыльца до ворот. От быстрого бега шуба ходила вверх-вниз. Ветер кинул волосы на лицо, и я дернула головой, чтобы убрать их. Эти десять секунд, которые мы бежали к выходу, освобождая себя и беспомощного Костю, десять секунд, пока нас не настиг охранник, десять секунд, пока мы, вылетев из ворот, не наткнулись на матерей, вернувшихся с колготками, были самыми счастливыми секундами моей жизни.

Сердце бухало от собственной храбрости, от радостного предвкушения блаженства.

Я рассмеялась и закричала:

– Больничное братство! Ура!

И друзья хором подхватили:

– Ур-р-ра-а-а!

Мы вылетели за ворота прямо в наших матерей, растерянно вопрошавших, что произошло. Не успели мы открыть рот, как сзади нас настиг охранник. Мы с Ильей были к нему ближе всех, поэтому он схватил нас за шиворот, вызвав возмущенные возгласы мам. Они бросились отбирать нас под общие гневные вопли и счастливое мычание Кости.

Выяснив, что произошло, мамы пришли в ужас, заставили развернуть Костю, продолжавшего улыбаться, и пинками подгоняли Братство обратно в больничное заключение. Мы с Ильей синхронно дернулись, чтобы бежать, но нас снова схватил охранник и так довел до входа. Я посмотрела в окно на старшую сестру. Екатерина Викторовна улыбалась. Я успокоилась, увидев ее улыбку. Она подтверждала, что мы все сделали правильно.

На свой этаж мы вернулись героями. Нам, конечно, здорово влетело от родителей, Больничное братство даже распекал главврач. Мы удостоились аудиенции следующим утром. Солидный дядька внушал нам, насколько плохо мы поступили и как подвели медперсонал. А еще чуть не простудили ребенка-инвалида. Знаем ли мы, как опасны простуды в его состо-

янии? Медсестры с тех пор и до выписки обращались к нам только по фамилиям. Никаких Жень, Илюш, Катюш и прочего. Волыкина, Агапов, Кокорина, Федощук! Но Костя остался Костенькой. Все, конечно, решили, что он ни при чем и бедного мальчика силой увезли из больницы.

Вряд ли тогда я понимала, что побег мы совершили из-за Кости. Помню радостный порыв, весенний свет, улыбку старшей сестры. Помню физически ощущаемую силу собственной воли, толкнувшую на побег. Взрослыми мозгами я понимаю, что это его мы хотели освободить из тюрьмы. Впечатанные в сознание оттиски сказок: слепые прозревают, лежачие поднимаются, к сумасшедшим возвращается рассудок после *невероятного* события. Но мы жили в реальном мире, а не в сказке. Возможно, я ошибаюсь и наделяю себя тогдашнюю излишне сложными мотивациями, которых не было даже в зародыше, думаю о себе лучше, чем была тогда и чем есть сейчас. Кто знает.

Кстати, мать Кости была единственной из взрослых, кто не упрекал и не ругал нас за побег. Когда нас загнали в палаты, она с недоумением выслушала нашу сбивчивую историю, перевела взгляд на улыбающегося сына и стала снимать с него верхнюю одежду.

– Колготки натянули, смотри-ка, – сказала она с одобрением.

Думаю, она была рада за сына. Костя тихо замычал, растягивая рот.

На следующий день членов Братства стали выписывать. Сначала исчезла отвлекавшая охранника Настя. Потом обе ее подруги. Незаметно испарились пацаны. Прощаясь, мы клялись не забывать друг о друге и о побеге, обменялись адресами. Но никто никому не написал.

Побег стал легендарным событием в наших с Ильей семьях. На праздничных застольях матери непременно рассказывали о том, что мы учудили и как нас за это чуть не выгнали из больницы. Кто-то ужасался, кто-то смеялся.

Когда нам было лет по двенадцать, мы с Ильей пустились в воспоминания о побеге и оказалось, что он ничего не помнит о Косте и его матери. В его интерпретации история оказалась геройским боевиком, где Илья играл главную роль зачинщика, исполнителя, освободителя, управлявшего послушной паствой.

Костя растворился в раннем утре за день до меня. За ним с матерью приехал сосед из поселка. Мы с мамой пошли проводить их и помочь погрузить коляску. Я попрощалась с Костей. Хотела поцеловать его в щеку, но постеснялась. Когда машина отъезжала, помахала ему. Сначала удивилась, что он не повернул головы и не сделал того же самого, потом вспомнила, что он не может. Думаю, он хотел. Уверена, что хотел.

Глава вторая

Счастье – главный компонент моей истории, потому что, оглядываясь назад, я возвращаюсь ко многим его мгновениям. Возможно, память приукрашивает воспоминания. Но мое детство точно было счастливым.

Я выросла в обычной советской семье: родители, я и Лерка. Сестра младше меня на одиннадцать месяцев. Мы с детства обожали друг друга и были крепко связаны по-сестрински.

До моих шести лет мы жили в общаге на двенадцати квадратных метрах. Туалет был в комнатушке, душевых – две на этаж. На мытье одному человеку отводилось пятнадцать минут. Мама проклинала общажные правила, не дававшие поблажек даже маленьким детям. Она отстирывала нас с Лерой под душем, необидно шлепала, если мы баловались, и рассказывала, что, когда она или папа получит отдельную квартиру, тогда мы сможем сидеть в ванне сколько влезет, хоть весь день до посинения. Мы с сестрой ждали переезда в основном потому, что хотели узнать, в какой момент сидения в ванне наступает посинение.

Жить в общаге нам нравилось. В ней обитали в основном работники вагоностроительного завода и, немного, золотошвейной фабрики, почти все – молодежь с детьми. Дети жили своей жизнью во дворе, а если шел дождь или было холодно, то в холле. На праздники в нем устраивали общее застолье. Мы с Леркой любили сидеть под столами и хватать соседей за ноги. Нас радовали испуганные вопли.

На Новый год в холле украшали елку. Родители рассказывали, как однажды я цапнула со стола недопитый кем-то стакан с шампанским, приняв его за лимонад, и уснула под елкой. По легенде, я была в костюме зайца. До сих пор не пойму, как так вышло. Зайчиками наряжали мальчиков, кому пришло в голову нарядить девочку в неподобающий полу костюм? Мама не помнила, откуда он взялся. Я же думаю, что история, пережившая миллион интерпретаций и наслоений, была выдумкой. Тем более что мама в тот момент лежала в больнице с Лерой. А папа мог, бахнув шампанского, перепутать меня с чужим ребенком. Тем не менее история о зайчике под елкой рассказывалась в застольях, пока ее не перебила история о побеге.

Я довольно рано поняла, что каждый человек имеет свое представление о правде. Вернее, что у каждого есть история, которую он считает единственно верной. Мы с Лерой в ссорах излагали родителям совершенно противоположные по смыслу и сюжету события. Иногда я просила ее пересказать то или другое происшествие, и неизменно ее повествование отличалось от того, что запомнилось мне.

Но вернемся к счастливому детству. У нас была типичная семья. Активная, жизнелюбивая, порой взрывная мать и спокойный, чуть флегматичный отец. Папа работал на вагоностроительном заводе простым рабочим. Он не дожил до того момента, когда его дочери могли бы критически взглянуть на него, увидеть обычного, ничем не примечательного работягу и обнаружить, что не могут им гордиться. Папа не дожил до наших подростковых бзиков, мы не упрекали его за то, как бедно одеты и что, когда девочки в классе стали краситься, у нас не было денег на косметику. Не дожил он и до своих преклонных лет, и мы не сможем упрекнуть его за испортившийся характер и за старческую сварливость. Он умер до того, как начали происходить события, обраставшие мраком, смертями и ужасом.

Папа был внимательным, как сейчас говорят, вовлеченным отцом. Он делал с нами уроки, учил готовить, водил на пляж и на рыбалку. Он катал нас на санках и учил ездить на коньках. Он водил нас с ночевкой на Тверцу, где мы спали в палатке и варили уху из наловленной рыбы. Папа научил нас читать и любить книги. Бабушка с дедушкой по его линии умерли рано, образования у него было девять классов. Он умело объяснял нам, как решать сложные задания по математике, приводя в пример самые простые, бытовые, явления, вещи и предметы.

С мамой они не ругались, потому что он всегда с ней соглашался. Он был на восемь лет старше нее и в очередь на жилье тоже встал раньше, поэтому получил квартиру первым. Это была двушка в «сталинке». Он ждал квартиру в новостройке, но кто-то из специалистов отказался от жилья, и папе предложили заселиться.

Помню, как он ворвался вечером на наши двенадцать метров, потрясая ключами.

– Срочно! – крикнул он с порога без лишних объяснений. – Перевозим вещи! Сегодня не заселимся – завтра займут!

Понятливой и легкой на подъем маме не нужно было повторять. Она немедленно стала одеваться и убежала бы с ним, оставив нас под присмотром соседей, но мы с Лерой тоже подорвались, боясь пропустить самое интересное. Услышав суету, заглянули соседи, потому что шум по поводу выданных ключей от квартиры отличался от любого другого.

– Вы мебель туда перенесите, – посоветовали женщины. – С мебелью не выселят, если передумают. И сами туда.

Предложение было разумным. Папа надавил на жалость исполкома и получил ключи без ордера, потому что зашел спросить об очереди на жилье и напомнить о двух дочерях, родившихся, пока он ждал. Оказался в нужном месте в момент, когда предыдущий хозяин сдал жилье. Правда, он был отличником производства и на хорошем счету в своем цеху. Но как перевезти мебель, когда на дворе вечер, а машин ни у кого нет?

– На руках донесем, – сказал сосед. – Тут идти минут десять.

Нести решили тахту, кресло и кое-какие вещи, чтобы переночевать уже на новом месте. Дружно дотащили пожитки до нового дома и громыхали на неосвещенной лестнице, потому что папа забыл номер квартиры. На грохот вышла мама Ильи с мужем и сказала, что вот же она, седьмая квартира, спускайте свой диван обратно. Потом она узнала маму. Оказалось, они вместе работали на золотошвейной фабрике, но близко знакомы не были. Она же сообщила, что прошлый сосед был алкаш и дебошир, каких свет не видывал.

– Хоть нормальные люди поживут, – заключила она, оглядывая наша семейство. Из-за ее спины выглядывал Илья. – Смотри, невесты тебе, – сказала она сыну.

Тахту затащили в зал, и бывшие уже соседи с задорной завистью обшарили каждый уголок квартиры. Мама по-хозяйски обошла новые владения. Критически осмотрела отошедшие обои и желтые пятна от протечек на потолке, ржавую ванну и покосившуюся дверь на кухню.

– Ничего, отремонтируем, – заключила она, присаживаясь на тахту.

Друзья родителей ушли, а мы с Леркой, мгновенно забыв о детях в общаге и общих играх во дворе и в холле, носились по огромной квартире и вопили. В комнате, которую мама определила детской, было два окна, выходящих в сторону Тверцы, скрытой другими домами, но близкой. Значит, можно бегать на берег хоть каждый день. Мы попросили маму искупаться в ванне.

– С ума сошли, там мыть не перемыть, – отрезала мать.

– Ладно тебе, Люд, – возразил отец. – Кипятком окатим, и пусть поплавают.

На кухне нашлись спички, которыми он зажег газовую колонку, потом горячей водой смыл пыль с ванны, смастерил затычку из собственного носка, и мы с сестрой сделали первый заплыв. Мы просидели в ванне часа два, ждали, когда посинеем, но мать вытащила нас, вытерла отцовской майкой – полотенца она впопыхах забыла – и загнала спать. Вчетвером мы вытянулись на тахте. Меня прижали к стене, и я долго не могла уснуть, смотрела на звезды в окне и ощущала общие для всей семьи радость и счастье.

Как рассказал папа, нас хотели выселить из квартиры, потому что на начальника исполкома нажимало его начальство – хотели устроить не простого рабочего, а опытного инженера. Но папа проявил непривычную для него настойчивость, привел нас с сестрой в качестве аргумента, а еще попросил начальника цеха заступиться за него. И нас не стали трогать. Сдается

мне, что папа отмолчался, он не умел заступаться за себя, а нам преподнес версию, выставлявшую его в более выгодном свете.

Началась суета с ремонтом. Отец с матерью занимались им каждый день после работы, а в выходные им помогали друзья из общаги. Люди сновали туда-обратно. Привезли и поставили купленные у спекулянтов полированную стенку, бежевые диван и кресла, детские кровати, потрепанный кухонный гарнитур (отдали знакомые, новый купили позже). Заменили ванну и раковины, поклеили обои. Отмыли кафель на кухне и разрешили нам с Лерой украсить его переводными картинками: котом Леопольдом с мышами, букетами роз и незабудок, мишками, гномиками, попугаями.

В сад мы приходили в заляпанных обойным клеем платьях, в колготках с грязными пятками, и воспитатели ворчали на родителей за неопрятный вид детей.

– Сделаем ремонт и отмоем, не ругайтесь, – весело отвечала им мама.

Работа на выходных заканчивалась застольем с помощниками. Все эти тети Гали, Светы, Марины, дяди Васи остались в моей памяти молодыми, задорными, в закапанной краской одежде, в пилотках, сложенных из газеты, теснящимися вдесятером на пяти имевшихся у нас стульях. Они выпивали бутылку вина и танцевали под музыку из проигрывателя.

Общительные родители моментом познакомились с соседями по подъезду и по дому. Из наших с Леркой ровесников в доме жил только Илья. Он был единственным ребенком в семье и, не будучи особо общительным, друзей не имел. Мы с Леркой приняли его в компанию. У нас с сестрой было одно на двоих свойство характера – считать, что все вокруг нам рады и по умолчанию любят и тянутся к нам.

Мы не спросили у Ильи, хотел ли он с нами дружить, но притащили его в гости в свою комнату и таскались в гости к нему. Его мать была рада появлению ровесниц сына на одной лестничной клетке. Их квартира была зеркальной копией нашей, и детские примыкали стенкой. На контрасте с нашим шумным семейством родители Ильи были сдержанными. Мама говорила, что их семья *интеллигентная*. Отец работал замом главного инженера на том же вагоностроительном. Мать была кружевницей, но дома мимикрировала под характер мужа и становилась отстраненной, чуточку высокомерной. Мы по-простецки сразу же стали называть их тетей Тоней и дядей Валерой.

Без мужа тетя Тоня превращалась в кумушку-болтушку. Она относилась к нам с сестрой как к своим, и двери их квартиры всегда были открыты для нас. Она часто говорила, что хотела бы иметь много детей. За стеклом стенки у них стояли две фотографии младенцев. Это были старшие брат и сестра Ильи, умершие до того, как им исполнился год.

Фото брата было любительским. Младенец висел у кого-то на руках и глядел в сторону, оттопырив губу. По зернистому размытому изображению становилось понятно, что фотографировали несколько человек, а потом увеличили личико малыша для памятного портрета – единственный его снимок. Сестру фотографировали в студии, она сидела на стульчике и обнимала мишку, смотрела в камеру осознанным взглядом и улыбалась. На портретах не было черной ленты, и тетя Тоня никогда не упоминала старших детей, но мы с Лерой сразу поняли, что это снимки мертвых детей. От них тянуло тоской, заметной даже детскому взгляду.

На наш вопрос о брате и сестре Илья ничего толком не ответил, потому что родители не рассказали ему подробностей. Однажды наше с сестрой любопытство было частично удовлетворено – нам посчастливилось услышать полуночный разговор матерей. Вечером мы наелись арбуза и бегали в туалет. Мама и тетя Тоня сидели на кухне, а сквозь декоративную дверь с непрозрачным стеклом можно было услышать даже шепот.

– Валеру в командировку отправили, я с Таней весь день. И обтирала, и аспирин давала – тридцать девять держится.

– Скорую вызывала? – спросила мама.

– Вызывала. Быстро приехали, укол сделали. Дождались, пока до тридцати восьми снизится, и уехали. А в ночь у нее снова сорок! Соседка пришла, говорит: «Вези в больницу». Ее муж повез. Я смотрю: у Танечки уже губки синеют…

За дверью повисла тишина, прерываемая тяжелыми вздохами, и через стекло мы увидели, как силуэт мамы гладит силуэт тети Тони по руке.

– В больнице врач сразу ее на руки взял и унес в кабинет, а через пять минут выходит и говорит: «Всё». – И снова вздохи, один силуэт утешает другой.

– Причину сказали? – мамин голос.

– Сказали, менингококк, а отчего, почему?.. Анализы в Москву возили, потом сказали, что потеряли их…

Мама поднялась со стула, и мы с Лерой метнулись в детскую, где обе долго не могли уснуть, потому что перед глазами стояли синеющие губы маленькой Тани.

О смерти брата-младенца мы узнали от мамы гораздо позже, когда она посчитала нас достаточно взрослыми для подобных историй.

– В три недели уснул и не проснулся. Тоня отправила Валеру поднять его, говорит, что-то спит долго. Тот подошел, а сын не дышит.

Мы с Леркой, шестнадцатилетние, эмоциональные, одновременно охнули.

– Сказали: синдром детской смерти. Никто не знает почему. И как такое случилось? Оба здоровые родились. Поэтому над Ильей вашим трясутся. Такая травма, конечно.

Дядя Валера по большей части пропадал на работе, а когда мы заставали его дома, то говорить, ходить и играть следовало тихо. Мне казалось, что тетя Тоня и Илья и живут шепотом в редкие часы, что отец проводил в квартире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.